

Лихачев Д. С.

Юлия Николаевна Данзас

Довольно подробно жизнь Ю. Н. Данзас с ее слов описана в книге диакона Василия ЧСВ "Леонид Федоров. Жизнь и деятельность" (Рим, 1966). Она родилась в 1879 г<оду> в Афинах. Была правнучкой французского эмигранта Карла Данзаса. Вторым сыном Карла Данзаса Константин был секундантом Пушкина. Мать Юлии Николаевны, в девичестве Аргиропуло, была из древнего византийского рода, происходившего по прямой линии от императора Романо Аргира (XI в<ек>), женившегося на последней представительнице Македонской династии — императрице Зое. Блестяще образованная, Юлия Николаевна стала автором нескольких книг, доктором Сорбонны. Прекрасно ездила на лошади. Подолгу живала за границей (чтобы не быть вынужденной исполнять обязанности статс-фрейлины, которые ей были неприятны ввиду царившей при дворе атмосферы: спиритов, Митьках Гугнивых, Машках Странницах, а главное — Распутине).

Писать о Ю. Н. Данзас как-то особенно трудно. Она была сложным человеком, и не в том смысле, который вкладывается в это понятие сейчас (т<о> е<сть> "не очень хороший"), а в смысле буквальном: ее душевная жизнь была под покровом нескольких культурных наслоений. С одной стороны, аристократическое происхождение и положение статс-фрейлины императрицы Александры Федоровны. С другой — доктор Сорбонны, автор исследований по религиозным вопросам. С одной стороны, постоянно взыскующая истины, мятущийся религиозный мыслитель, а с другой — крайне нетерпимая католичка, как бы познавшая всю истину в спорах с православными или с католиками других направлений, готовая даже на Соловках с некоторым высокомерием относиться к страданиям многочисленного православного духовенства, даже писать в лагерной прессе о существовании инквизиции в православной Церкви, тем самым фактически помогая антирелигиозной пропаганде. С одной стороны, изысканно воспитанная, а с другой — постоянно вступающая в конфликты с соседями и одновременно находившая общий язык с Горьким. Еще и еще! С одной стороны, русская, патриотка, во время первой мировой войны поступившая в уральские казаки и сидевшая в окопах на передовой, а с другой — как-то внезапно ощутившая себя потомком французского эмигранта и своими антирусскими высказываниями в Риме впоследствии (в конце 30-х — начале 40-х г<одов> на своей лекции в "Руссикуме") возбудившая негодование самого Вячеслава Иванова. В целом Ю. Н. Данзас была очень рационалистична, а потому плохо разбиралась в людях. Однако своим родовым (точнее родовитым) чутьем высказывала о поведении людей очень интересные и верные мысли.

Я помню ее немощной пожилой женщиной, ходившей на работу с посохом в черном, деревенского покрова полушубке. Но в январе 1933 г<ода> после своего и моего освобождения, как ударников Беломорстроя, живя в Ленинграде в ожидании выезда в Германию к своему брату (как это случилось, я расскажу позже), она легко поднялась на пятый этаж ко мне и моим родителям, модно одетая, в шляпке чуть набекрень, которую, видимо, тщательно выбирала. То старуха, то относительно молодая женщина с ярко-голубыми глазами. Так было впоследствии за границей: то полумонашенка в монастыре, то мадмуазель, занимавшаяся научной и журналистской работой, написавшая после Соловков три книги: две — на французском языке о "Советской каторге": "Baigne rouge. Souvenirs d'une prisoniere au pays des Soviets", "L'itineraire religieux de la conscience russe" (обе без обозначения года), одна на русском: "Католическое богопознание и марксистское безбожие" (Рим, 1941). Кроме того, ею были написаны большие

воспоминания о своем "духовном пути к Богу", а среди множества статей — одна о духовной жизни русской молодежи. Работая в Соловецком музее (перед тем, как стала работать в Криминологическом кабинете), она пользовалась услугами очень честного молодого человека, бывшего бойскаута — Димы Шипчинского¹, которого в своих воспоминаниях почему-то назвала типичным "комсомольцем", которым он никогда не был и не мог быть по своим нескрываемым политическим убеждениям. Кстати, Дима Шипчинский (Ю. Н. Данзас называет его "Шепчиневским") устраивал (с большим риском для себя) свидания Данзас с католическими деятелями.

На Соловках за работой над газетами она постоянно тихонько напевала себе под нос католические молитвы, но при этом не выпускала изо рта самокрутку, вставленную в длинный мундштук. Курила ли она арестантскую махорку или табак из какой-либо посылки — Бог весть. Она все могла, все стоически переносила. Никто не ведает — сколько она знала, сколько помнила интересных людей, но живого непосредственного обаяния, столь необходимого для общения с молодежью на Соловках, у нее не было. И в этом она тоже была прямой противоположностью А. А. Майеру². Я пишу это не для того, чтобы унижить одну и восхвалять другого. Это мое противопоставление двух душевных складов не имеет оценочного характера. Железный, но замкнутый характер Ю. Н. Данзас по-своему вызывал восхищение. Ее впоследствии осуждали многие, отрицательный отзыв о ней принадлежит, кстати, и Н. А. Бердяеву, однако преданность

¹ **Шипчинский** (Шепчинский), Дмитрий Валерианович, родился в 1905 в Санкт-Петербурге. С 1922 — студент Географического института Петроградского университета, сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН. В 1924 — арестован, через 6 месяцев освобожден. В 1925-26 — студент Антропологического института МГУ, научный сотрудник Центрального музея народоведения; сотрудник Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2 апреля 1926 — арестован, 28 августа приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь в Кеми, с 14 ноября — в Соловецком лагере. 19 сентября 1929 — бежал из лагеря, 25 сентября пойман. 21 июня 1930 — приговорен к ВМН и 13 декабря 1930 — расстрелян.

² **Майер** Александр Александрович, родился в 1874 в Одессе. В 1894 — окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета. Увлёкся марксизмом, в июне 1895 — арестован за пропаганду среди рабочих, через полгода выслан в Шенкурск Архангельской губ. В 1902 — вернулся в Одессу, вновь поступил в Новороссийский университет; после возобновления революционной работы выслан из Одессы. Жил в Баку, организовал там ряд рабочих кружков, пытался издавать газету. В 1904 — арестован и выслан в Туркестан. В Ташкенте сотрудничал в газете, выступал на митингах, читал лекции. В 1905-1906 — дважды арестовывался, сбежал из тюрьмы в Ташкенте, полулегально жил в Финляндии, в конце 1906 — поселился в Петербурге; лектор в Обществе народных университетов и преподаватель на Общественно-юридических курсах. В 1906-1908 — отошел от революционного движения, сблизился с литературной средой столицы, критиковал марксизм с анархистских позиций; позднее сблизился с Мережковскими, стал активным членом Религиозно-философского общества, организовал "христианскую секцию". 1 декабря 1909 — поступил вольно трудящимся в Отделение "Россика" Императорской публичной библиотеки. В 1910 — допущен к преподаванию философских предметов в Вольной школе П. Ф. Лесгафта. Выступал также с платными публичными лекциями, сбор от которых шёл в пользу рабочих клубов. В 1917 — вел активную пропагандистскую работу, высказывался за доверие к Временному правительству, за продолжение войны и созыв Учредительного собрания. В августе 1917 — на Всероссийском поместном церковном соборе представлял Петроградское Религиозно-философское общество. В декабре 1917 — вместе с К. А. Половцевой организовал домашний религиозно-философский кружок "Воскресение". С 20 мая 1918 — младший помощник библиотекаря Публичной библиотеки; преподавал на Высших естественно-научных курсах, профессор и ученый секретарь там; преподавал также в Институте живого слова. 11 декабря 1928 — арестован по обвинению «в создании контрреволюционной организации "Воскресение"». В конце весны 1929 — приговорен к ВМН, позднее замененный на 10 лет ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь; работал там в Криминологическом кабинете. В 1930 — отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала, после спецкурсов работал техником-гидрологом. В начале 1935 — освобожден с ограничением проживания на 3 года (-12). Проживал в Дмитрове, работал на строительстве канала Москва-Волга. В 1937 — поселился в Калязине. 19 июня 1939 — скончался в больнице Ленинграда.

католической вере, с помощью которой она пыталась осветить всю русскую историю, начиная с киевского князя Владимира I Святославича, которого она считала верным Римом, по-своему достойна уважения, хотя тенденциозность ее работ очевидна.

Ю. Н. Данзас много писала, писала и по освобождении из "советского плена", но на Соловках не имела большого влияния на молодежь.

Ее жизненный путь к католицизму записан, как я уже сказал, с ее слов, в книге диакона Василия ЧСВ (так!) "Леонид Федоров. Жизнь и деятельность", которая в значительной мере освобождает меня от необходимости особо останавливаться на ее интереснейшей биографии. Скажу только, что в подробных сведениях о себе она почему-то опустила, что в первую мировую войну одно время служила на передовых позициях в полку уральских казаков. Почему казаков и к тому же именно уральских? Юлия Николаевна объясняла это так: в кавалерии она хотела служить, так как отлично ездила верхом, а у уральских казаков, — потому что они были старообрядцами и отличались строгостью нравов. Ей простили то, что она не могла управляться с пикой (пика была для нее слишком тяжелой), но шашкой она, по ее словам, овладела хорошо (даже сдала экзамен). При Временном правительстве ее уговаривали взять на себя командование женским батальоном смерти. Она отказалась, и затем уже это командование было поручено Бочкаревой. Непонятно мне, — почему в ее воспоминаниях о себе нет ничего о дворе и об императорской фамилии. Но в той же книге католика диакона Василия сообщается, что она собиралась писать роман о государыне Александре Федоровне. Жаль, что она берегла интереснейший материал для романа, потому что намерения своего она не выполнила, да и беллетрист Юлия Николаевна была слабый. Это видно по ее повести "Соловецкий Абелья", помещенной в журнале "Соловецкие острова" под ее обычным псевдонимом "Юрий Николаев". К тому же беллетристическая форма всегда находится в разладе с достоверностью. Знала же Юлия Николаевна двор очень хорошо и много рассказывала о жизни государя и государыни (в Петербурге так принято было называть императора и императрицу).

Из рассказов Ю. Н. Данзас о семье государя мне вспоминаются три, как наиболее важные. Во-первых, мне никогда не встречалось упоминания о том, что при дворе после "Кровавого воскресенья" 1905 г<ода> был объявлен траур, и никакие балы и широкие приемы не существовали. Более известно, что государь с семьей 9 января находились не в Зимнем, а в Александровском дворце в Царском Селе, и поэтому непосредственной вины за гибель людей нести не могли. Во-вторых, в начале войны 1914 г<ода> был повешен как шпион полковник Мясоедов, начальник пограничной службы близ Восточной Пруссии, к которому после охоты заезжал (или только однажды заехал) обедать германский император Вильгельм Второй. Государь достоверно знал, что Мясоедов не был ни шпионом, ни просто предателем, но под давлением общественного мнения, обвинявшего государыню в симпатиях к немцам, из трусости подтвердил приговор суда. Государь очень мучился этим и все дальнейшие несчастья считал Божьим наказанием за свое малодушие. В-третьих, Юлия Николаевна много рассказывала об ужасных переживаниях государыни, боявшейся покушений при любом выезде государя.

Другой запомнившийся мне рассказ Ю. Н. Данзас касался ссоры семьи Столыпиных с царской семьей. После покушения на Столыпина на Аптекарском острове государь пригласил Столыпиных жить в Зимнем дворце. Столыпины переехали и разместились на втором этаже. Дети Столыпина бегали по всем залам и, играя, забирались на трон. Александра Федоровна имела по этому поводу объяснение с женой Столыпина, не отличавшейся тактичностью. Она стала защищать своих детей и, между

прочим, "дала понять", что муж ее значит для России больше, чем государь. После этого случая семью Столыпиных устроили где-то в другом помещении, а государыня не смогла забыть нанесенного мужу оскорбления, что не могло не быть замеченным охранкой. Столыпин "впал в немилость у охранного отделения", что, возможно, и отразилось на охране Столыпина в Киевском театре, где он был убит.

Может быть в этом последнем рассказе Ю. Н. Данзас и есть неточности, но запомнил я его точно. Поверить его следовало бы...

При всех огромных знаниях Юлии Николаевны и огромном мужестве в ней был элемент какой-то, осмеливаюсь сказать, примитивности. Вот, например, ее суждения о поэзии. Она говорила, что ставит Лермонтова выше Пушкина. На каком-то уровне поэзии, мне кажется, нельзя решать вопрос о том, кто выше, кто ценнее. Можно лишь сказать, — кто из поэтов лично ближе, к кому чаще обращаешься. Кто выше, Державин или Баратынский? А уж тем более нельзя было бы в этот ряд ценностных определений вносить поэтов XX в <ека> Скажу, что уже в тот период мы все — "кановцы" — очень любили многие из стихотворений О. Мандельштама; были среди нас поэты, подражавшие "Столбцам" Н. Заболоцкого. Стихи "Столбцы" были озорными, и это нам тоже нравилось. Любили Всеволода Рождественского, гораздо больше, чем любят его сейчас. Не скажу, что знали наизусть стихи Белого или Брюсова. Наизусть знали больше всего Блока и отчасти Волошина, разумеется и упомянутых Мандельштама и Заболоцкого. Из старых поэтов больше всего знали Пушкина, потом Баратынского, Дениса Давыдова, Лермонтова. Вообще это очень интересно, — кого молодежь знает наизусть в ту или иную эпоху, в чьей поэзии ощущается душевная потребность...

Но я отвлекся от рассказа от Ю. Н. Данзас. Ее некоторая примитивность сказывалась и в ее католической позиции.

Никто, кажется, не обращал внимания на то, что большая эрудиция при недостатке обобщающих способностей может играть даже в известной мере отрицательную роль. Эрудиция укрепляет человека в его уверенности в собственной правоте, мешает его пониманию нового, непривычного. Чувство собственного превосходства над другими, которое развивает эрудиция, при недостатке творческих способностей может затруднять общение с людьми. То, что Ю. Н. Данзас приняла католичество, будучи уже вполне зрелым и мыслящим человеком, было для нас непонятным: ей хотелось твердой духовной опоры, и вполне естественно, с нашей юношеской точки зрения, она обратилась к вероисповеданию своих французских предков. О католичестве наша православная молодежь с ней не спорила, да и как могла спорить со своими скромными познаниями в богословии? Однако, когда в журнале "Соловецкие острова" мы прочли ее очерк об инквизиции в Православной Церкви, мы с ней как-то замерли в разговорах. Две причины: если у православных тоже была инквизиция, то в чем это оправдывало католическую инквизицию, вторая причина — давать еще козырь антирелигиозникам, особенно в условиях лагеря, переполненного православным духовенством, показалось нам недостойным.

В романе Бориса Ширяева "Неугасимая лампада", опубликованном в Париже и перепечатываемом в "Нашем современнике", образ "фрейлины трех императриц" как будто бы опирается на Юлию Николаевну Данзас, так как других фрейлин на Соловках не было, но он значительно изменен. Стоит ли упоминать о том, что Ю.Н. Данзас не была баронессой, а фрейлиной (вернее, статс-фрейлиной) могла быть только у одной императрицы, в ее случае — у Александры Федоровны и т<ак> д<алее>. Но роман есть роман, и это надо иметь в виду, читая книгу Б. Ширяева.